

С. А. Айларова, Е. И. Кобахидзе

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
(конец XIX–XX в.)¹**

Осетино-ингушские отношения уходят вглубь веков. Они документируются историческими источниками, позволяющими судить об их сложности и неоднозначности во все периоды развития двух соседствующих народов в составе российской государственности. Сложная и противоречивая история осетино-ингушских взаимоотношений во многом обусловлена характером интеграции осетинских и ингушских обществ сначала в общероссийское, а затем и советское политико-административное и правовое пространство. Каждый из исторических этапов включения двух социумов в российские государственно-политические и социально-экономические процессы усугублял осетино-ингушские противоречия, формировал существенные предпосылки, сказавшиеся на разворачивании конфликта осенью 1992 г.

С начала освоения Кавказа политика Российской империи в регионе подчинялась геополитическим интересам [1], сопряженным со стремлением правительства к скорейшей централизации управления в стране и унификации всех сторон жизнедеятельности горских обществ по общероссийскому образцу.

Адаптация к административным формам управления и государственного налогообложения проходила у горского населения достаточно болезненно и приводила к регулярным локальным возмущениям. Для осетинского общества, отличавшегося выраженной социальной иерархией и обладавшего сформировавшейся социальной элитой, такие возмущения, острые и драматичные в каждом конкретном случае, остались локальными эпизодами

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-37102а.

(восстание 1831 г., подавленное экспедицией генерала И. Н. Абхазова, — см.: [2, с. 362–374] и др.).

Ингушское общество, облик которого определяли слабая социальная иерархия и ведущая роль тейпа в системе социальной организации, испытывало более серьезные трудности в адаптации к государственно-административной системе, часто отвечая на прямое военно-административное воздействие спонтанными взрывами. Почвой для конфликтов между российскими властями и ингушским обществом были методы прямого управления, игнорировавшие традиционную систему общественной саморегуляции, в основе которой лежали патриархальные властно-управленческие институты.

В ходе ускоренной и во многом искусственной модернизации горских обществ традиционные общественные связи оказались разрушенными, а имевшие место экономические, идеологические и правовые регуляторы межгрупповых и межэтнических отношений были исключены из жизнедеятельности горских обществ, приобретя статус маргинальных. Однако они продолжали влиять как на характер внутриэтнической самоорганизации, так и на конкретные формы межэтнического взаимодействия. Игнорирование этих принципов в практике управления привело в конечном счете к тому, что они, так и не исчезнув окончательно из повседневной практики, перешли в разряд политико-идеологических конструкций, усиливающихся в ряде случаев за счет подведения псевдоисторических обоснований, в свою очередь базирующихся на таких категориях, как «исконные территории», «земля предков» и т.п.

Перемещения, происходившие в середине XIX в. и завершившие формирование системы казачьих поселений, также создавали дополнительные почву и поводы для будущих конфликтов.

Два этноса (осетины и ингуши) к концу XIX в. практически одинаково страдали от земельной нехватки. Однако в нараставшем с начала XX в. осетино-ингушском противостоянии проблема земельного «голода» не играла главенствующую роль. Гораздо важнее в углублении осетино-ингушских противоречий был другой аспект этноконфликтной проблемы на Северном Кавказе второй половины XIX в. — набеговая система (см. подробнее:

[3, с. 13–63]). «Ренессансу» набеговой практики в начале XX в. способствовали втягивание горских народов в капиталистическое развитие, товарно-денежные отношения. В условиях переходного состояния горской экономики набеги из агрессивного средства «собираения» феодальной собственности превращаются в средство «собираения» квазикапиталистической собственности. В применении к осетинскому обществу конца XIX — начала XX в. можно говорить о росте внутриобщинных форм криминальной наживы; в применении к ингушскому обществу — о полномасштабной набеговой практике, направленной преимущественно на осетин и казаков.

В эпоху революционных перемен, сопровождаемых кризисом власти и политической борьбой за власть в центре, социальные противоречия обострились, продуцируя формы военного противостояния. Кровавые междоусобицы 1918 г. получили предварительную санкцию в виде безответственного политико-правового решения («О ликвидации чересполосицы» [4]).

Крах российской государственности в 1917 г. способствовал углублению осетино-ингушских противоречий. Революция разрушила сложившиеся государственные структуры. Проблема управления на местах была, в представлении большевиков, малозначимой частью т.н. национального вопроса. Провозглашенные принципы равенства всех народов и права наций на самоопределение были совмещены с классовым подходом и на практике означали отказ от учета особенностей конкретной этнической среды.

Во многом это определит будущую «советскую» судьбу двух этносов. Чем решительнее были ингуши «за» советскую власть, тем более явственным оказалось их разочарование и тем непонятнее стали для них последующие метаморфозы власти. В 1920-е гг. произойдет своеобразная катастрофа ложных ожиданий, являвшихся идеологическими производными реального союзничества ингушей и большевизма в период Гражданской войны.

Если Ингушетия вошла в советскую систему и эпоху в едином порыве, то осетинское общество оказалось политически расколотым. Политическая поляризация в Осетии, ее внутренний социальный разлом выразились в уничтожении или эмиграции части осетинской элиты, придерживающейся как консервативно-

имперских взглядов, так и социал-либеральных, что не помешало Осетии в будущем обрести единство уже на советской почве, стать органической частью советского общества и культуры.

В осуществлявшемся с конца 20-х гг. курсе советского руководства на модернизацию, проведении политики поглощения этнокультурной специфики жизненного уклада этнических меньшинств власть сталкивалась с проблемой отторжения рядом горских народов (например, ингушами) навязываемых политических условий существования, форм хозяйствования, норм регуляции социальной жизни. Приверженность вайнахов жестким фамильно-тайповым связям и исламу была несовместима с целями советского социально-экономического переустройства социальной жизни.

После распада Горской АССР объединение Чеченской и Ингушской автономных областей должно было способствовать упрочению вайнаховской этничности, но в действительности оно оказалось направлено на ликвидацию самостоятельности ингушского этноса, обозначившейся в виде Назрановского военного округа еще в дореволюционные времена.

Если в Северной Осетии в процессе социально-политической и экономической модернизации безраздельно господствовали советские правила упорядочения социальной реальности, то в Ингушетии доминировала традиционная элита (духовенство, старейшины тейпов), способствовавшая отторжению системы. Уничтожение вайнаховского духовенства воспринималось народом как уничтожение самих основ национальной культуры и сделало неизбежным конфликт ингушей (и вайнахов в целом) с советской системой.

Неадекватность советско-тоталитарных, а затем прямых военных методов управления устройству и тенденциям развития ингушского социума подготовили катастрофу 1944 г. — депортацию ингушей и чеченцев в Казахстан и другие республики Средней Азии [5]. Депортация задержала социальные процессы и создала основу для усугубления осетино-ингушских противоречий. После восстановления в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР в несколько измененных границах Пригородный район остался в составе Северной Осетии, став районом смешанного проживания осетино-ингушского населения. Несмотря на то что власти взяли

курс на превращение Пригородного района в «район осетино-ингушской дружбы», совместное проживание этносов со столь различной государственной судьбой породило череду межэтнических эксцессов, хотя довольно долго удавалось сохранять стабильную обстановку.

К концу 1980-х гг. исторические предпосылки, социально-психологические измерения конфликта были налицо. Копившиеся в течение длительного времени противоречия в осетино-ингушских отношениях, усугубляемые жестким административно-управленческим подходом центральных властей, вылились в конечном счете в открытое вооруженное противостояние, как только в стране разразился политико-идеологический кризис, спровоцированный распадом СССР. Немалую роль в разворачивании осетино-ингушского противостояния сыграли поспешные, непродуманные, а порой и откровенно неграмотные действия центрального руководства, предпринимаемые в первые постперестроечные годы (см.: [6]). Принятый российским парламентом Закон «О реабилитации репрессированных народов», содержащий статью о возвращении территорий, безответственные заявления ведущих российских политиков, Закон «Об образовании Ингушской Республики» без определения ее границ — все это сыграло большую роль в катастрофе, спровоцировав вооруженный конфликт 1992 г.

Обозначенный в литературе как этнотерриториальный [7, с. 227–236], осетино-ингушский конфликт, на наш взгляд, имеет более сложную ценностную природу, и прежде всего потому, что в его основе лежат историко-культурные факторы, конституирующие этническое самосознание. Во многом именно по этим причинам, как представляется, до сих пор не выработано способа быстрого разрешения конфликта, поскольку это конфликт принципов, выбор между «исторической справедливостью» и политическими реалиями.

Библиография

1. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

2. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.

3. *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа: На пути к цивилизации. М., 2004.
4. Гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1965.
5. *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). М., 1998.
6. *Здравомыслов А. Г.* Осетино-ингушский конфликт: Перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998.
7. *Дробижьева Л. М.* Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х — начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993.

Ю. Ю. Карнов

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОРЦАМИ КАВКАЗА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Вопрос о взаимоотношениях государства-завоевателя с покоренными народами представляет интерес в разных отношениях в каждом конкретном случае, для российско-кавказских отношений он особенно актуален, так как исторический аспект здесь часто пересекается с современным. Публицистика, СМИ регулярно муссируют его. Наука достаточно активно участвует в обсуждениях, предлагая те или иные интерпретации данного вопроса, которые в общем контексте оказываются в резонансе со «злостью дня». Теория «совместничества» В. Б. Виноградова в истории горцев и России, имеющая целью общее созидательное прошлое, его учениками, как ни странно, подкрепляется активной разработкой темы природного «хищничества» горцев, проецируемого из XIX в. в настоящее время [1; 2]. Другие исследователи, следуя идеям «ориентализма», утверждают, что «изобретенный» в Евро-